
Права на себя.
Маршрут перестроен.

Права на себя

Милана Панова

Права на себя. Маршрут перестроен

«Автор»
2026

Панова М.

Права на себя. Маршрут перестроен / М. Панова — «Автор», 2026 — (Права на себя)

В шесть утра звонит соседка из Тутаева: мама упала на льду у курятника. Вере сорок семь. Год назад она развелась, получила права и впервые в жизни сама решила, куда поворачивать. Теперь ей предстоит ехать по гололёду, впервые за рулём, — а потом решать за маму. Где той жить, как лечиться, продавать ли дом. Мама, бывшая кладовщица с характером, сдаваться не собирается. Брат из Москвы присылает деньги и сердечки. Бывший муж неожиданно предлагает помощь. А бывшая жена Андрея возвращается в Ярославль. И в старом сундуке на чердаке лежит синяя папка, о которой мама молчала пятьдесят лет. Тёплая и честная история о трёх поколениях женщин, о праве на собственную жизнь в любом возрасте и о том, что иногда маршрут надо перестроить.

© Панова М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Гололёд 6
Глава 2. Сто восемьдесят тысяч 10
Глава 3. Две хозяйки на одной кухне 14
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Милана Панова
Права на себя. Маршрут перестроен

Маршрут перестроен
Права на себя. Книга вторая
Роман

Глава 1. Гололёд

Телефон зазвонил в шесть ноль восемь утра, в субботу, четырнадцатого января. Вера знала точное время, потому что первое, что она увидела, открыв глаза, были цифры на экране, а под ними — незнакомый номер с кодом Тутаева.

Звонки в шесть утра бывают только двух видов: ошиблись номером или случилось. Вера села в кровати раньше, чем проснулась.

— Верка? Лебедева? — Голос был женский, хриплый, запыхавшийся. — Это Клава. Соседка мамкина, Клавдия Егоровна, через забор. Ты меня помнишь?

— Помню. Что с мамой?

— Упала мамка твоя. Во дворе, у курятника. Я вышла собаку выпустить, смотрю — свет у неё в сарае горит, а дверь нараспашку. Подхожу, а она лежит. На льду. Говорит, с пяти лежит, встать не может. Нога у неё, Вер. Неправильно как-то лежит нога. Вывернута.

— Скорую вызвали?

— Вызвала. Сказали, едут. А она, Вер, не хочет. Кричит: никуда не поеду, кур кормить некому, Барон некормленый. Я её одеялом укрыла, чайник ставлю. Ты приедешь?

— Еду, — сказала Вера. — Клавдия Егоровна, не давайте ей вставать. Пусть ругается, но лежит. Я через час буду.

Она положила телефон и посидела секунду, глядя в темноту. За окном стояла январская ночь, и фонарь во дворе светил сквозь голые ветки старой кривой берёзы. Термометр за стеклом показывал минус четыре. Вчера было минус девятнадцать, а к вечеру пошёл дождь, мелкий и злой, и весь город превратился в каток. По радио всю неделю предупреждали: гололедица, не выезжайте без необходимости.

Сейчас была необходимость.

* * *

Права у Веры Павловны Лебедевой были девять месяцев. Ещё год назад её фамилия была Ковалёва и прав у неё не было вовсе, как и машины, и своего банковского счёта, и привычки самой решать, куда поворачивать. Двадцать шесть лет за рулём сидел муж. Потом муж ушёл к администраторше фитнес-клуба, и Вера в сорок шесть лет пошла в автошколу — самой старшей в группе среди девятнадцатилетних. Сдала со второго раза. Купила подержанную серебристую «Солярис» у вдовца в Брагине, вместе с брелоком в виде плюшевого зайца с одним ухом. Прошлым летом проехала на ней всё Золотое кольцо, о котором мечтала с девятнадцати лет.

Но летом трасса была сухая, а рядом сидела дочь с пакетом семечек. Зимой, по льду, в темноте, Вера ещё не ездила дальше Красного Перекопа.

Она оделась за четыре минуты. Джинсы, свитер, пуховик. В сумку — паспорт, мамин полис, который почему-то хранился у неё в ящике с документами с тех пор, как мама в позапрошлом году лежала с давлением, зарядку, бутылку воды. Уже в прихожей остановилась, вернулась в комнату и взяла с тумбочки мамин старый халат, который та оставила у неё в октябре. В больнице понадобится. В больницах всегда нужен халат.

Перед выходом она набрала Андрея. Было шесть восемнадцать. Он ответил на втором гудке, и голос был совсем не сонный.

— Что случилось?

— Мама. Упала в Тутаеве. Нога. Я туда.

— Сама?

— Сама.

Андрей помолчал. Вера слышала, как у него что-то стукнуло — наверное, поставил кружку. Андрей Николаевич Ветров вставал в пять утра всю жизнь: двадцать лет водителем на скорой, потом пятнадцать лет инструктором в автошколе. Именно он когда-то научил её

трогаться с места, не дёргая машину, как больную лошадь. И именно он прошлым летом, на скамейке у озера Неро, впервые за пятнадцать лет сказал ученице «хорошо». Ученицей она тогда уже не была.

— Давай я поведу, — сказал он. — Буду у тебя через двадцать минут.

— Нет.

— Вера. Там стекло, а не дорога.

— Я знаю. Андрей, через двадцать минут я буду уже на мосту. Ждать я не могу. А если ты повезёшь, я весь час буду сидеть справа и думать, что сама бы не смогла. Мне нельзя сейчас так думать.

Она ожидала, что он начнёт спорить. Он не стал.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда так. Шипы у тебя новые, я сам смотрел. Скорость — шестьдесят, не больше, даже если все обгоняют. Пусть обгоняют. Тормозить заранее, плавно, на прямой. Никаких резких рулений. Если понесёт — не дёргай руль и не жми тормоз в пол, отпусти газ и смотри туда, куда хочешь ехать, а не туда, куда несёт. Руки сами повернут.

— Смотреть туда, куда хочу.

— Да. Телефон на громкую. Я на связи. Позвони, когда переедешь мост через Волгу.

— Позвоню.

* * *

Машина стояла во дворе под коркой льда, как торт под глазурью. Вера потратила семь минут, чтобы отколоть дверь, ещё десять — чтобы отогреть стёкла. Пока мотор прогревался, она сидела в темноте, держа руки на холодном руле, и слушала, как скребёт по стеклу щётка дворника.

Заяц с одним ухом покачивался на ключе.

— Ну что, — сказала ему Вера. — Поехали к маме.

Город был пустой. Суббота, шесть сорок утра, гололёд — кто в здравом уме поедет. Светофоры мигали жёлтым, и в их свете асфальт блестел, как мокрая чёрная клеёнка. На Ленинградском проспекте Вера увидела первую машину в кювете — старую «десятку», уткнувшуюся носом в сугроб. Рядом никого не было, только мигала аварийка. Видимо, ещё ночью.

Она сбросила скорость до пятидесяти.

На выезде из города, у поста ГИБДД, стоял грейдер и посыпал дорогу чем-то серым. Вера пристроилась за ним и ехала так километра три, пока грейдер не свернул. Дальше трасса шла через поля — тёмная, прямая, с белыми столбиками по краям, которые выскакивали из темноты в свете фар и тут же пропадали.

Тутаевское шоссе. Сколько раз она ездила здесь пассажиром? Сотни. Каждые выходные к маме, с банками, с картошкой, с детьми на заднем сиденье. Олег вёл, а она смотрела в телефон, или спала, или ругалась с Кириллом, который пинал её кресло. Она не помнила ни одного поворота. Оказывается, дорога была совсем не такая, какой её запоминаешь справа. Она была длинная, с горками, с подлым правым поворотом у деревни Емишево, где асфальт уходил под уклон.

На этом повороте её и понесло.

Совсем чуть-чуть. Задние колёса вдруг стали лёгкими, будто машину кто-то тронул сзади за плечо, и капот медленно, плавно пополз влево, к встречной полосе. В свете фар мелькнул столбик, потом ещё один, не там, где должен быть.

Вера не закричала. Потом она удивлялась этому больше всего: она не закричала и не нажала на тормоз. Нога сама соскочила с газа. Руки замерли. И она посмотрела вперёд, туда, где дорога уходила вправо, — не на столбик, не на встречную, а на дорогу.

Руки повернули сами. Немного. Машина качнулась, задние колёса нашли асфальт, и «Солярис» выпрямилась и поехала дальше, будто ничего не было.

Сердце колотилось так, что отдавало в уши. Вера сбавила до сорока и проехала так до самого моста.

Мост через Волгу у Тутаева был длинный, на высоких опорах, и внизу лежала река — белая, широкая, неподвижная. Над ней начинало светать: из-за правого берега проступала полоса серого, как старое серебро. Вера переехала мост, остановилась на площадке у въезда в город и только тогда набрала Андрея.

— Переехала, — сказала она.

— Понесло? — спросил он сразу.

— У Емишева. Откуда ты знаешь?

— Там всех несёт. Там уклон и ветер с поля. — Он помолчал. — Что сделала?

— Отпустила газ. Посмотрела, куда хочу.

— Правильно, — сказал Андрей, и она услышала, как он выдохнул — длинно, будто держал воздух сорок минут. — Всё. Езжай к маме. Звони, если что.

* * *

Мамин дом стоял на правом берегу, в Романове — так местные до сих пор называли эту половину города, хотя Романов-Борисоглебск переименовали в Тутаев ещё в двадцатых. Дом был старый, бревенчатый, обшитый вагонкой, которую отец красил в зелёный, а мама после его смерти — в голубой. У калитки стояла скорая, белая, с работающим мотором, и из выхлопной трубы шёл пар.

Вера оставила машину у соседнего забора и побежала по двору, скользя.

Мама лежала у курятника на старом матрасе, который, видимо, притащила Клавдия Егоровна, укрытая двумя одеялами и почему-то клеёнкой поверх. Рядом на корточках сидел фельдшер — молодой, лет двадцати пяти, с усталым лицом и красными от холода руками. Второй, постарше, стоял у машины и курил.

— Вот, — сказала мама, увидев Веру. — Явилась. Я же Клавке говорила: не звони. Чего людей по гололёду гонять.

Антонине Сергеевне Лебедевой было семьдесят пять лет. Она весила пятьдесят два килограмма, носила зимой мужнин тулуп и валенки с галошами, а летом — ситцевые халаты и соломенную шляпу, которую Вера помнила с детства. Пятьдесят лет она отработала кладовщицей на шинном заводе, похоронила мужа, вырастила двоих детей и всегда говорила, что умрёт стоя, как дерево. На предложения переехать к детям в город отвечала: «Чтобы я у вас в коробке сдохла? Не дождётесь».

Сейчас она лежала на матрасе у курятника и была очень маленькая. Лицо серое, губы синие. Правая нога под одеялом лежала неестественно, носком наружу, и Вера сразу отвела глаза.

— Шейка бедра, похоже, — сказал фельдшер, вставая. — Классика. Гололёд, возраст. Мы её в Ярославль повезём, в травму, у нас тут хирургии нормальной нет. Вы дочь? Хорошо. А то она нам тут сорок минут объясняет, что никуда не поедет.

— Не поеду, — сказала мама. — У меня куры.

— Мам.

— И Барон. Барон с вечера не кормленый.

— Мам, Барона Клавдия Егоровна покормит.

— Клавка его кормить не умеет! Ему рыбу надо отваривать, он сухое не ест!

— Отварю, — мрачно сказала Клавдия Егоровна с крыльца. — Чего там уметь.

Мама посмотрела на Веру. И Вера вдруг увидела в её глазах то, чего не видела ни разу за сорок семь лет: страх. Не боль — боль была, но мама умела её терпеть. Именно страх. Детский, растерянный. Как у человека, у которого из-под ног выдернули пол.

— Вер, — сказала мама тихо, совсем другим голосом. — Я ведь не встану больше, да? Я ведь читала. В нашем возрасте с этим не встают.

Вера опустилась на колени прямо на лёд, рядом с матрасом, и взяла маму за руку. Рука была ледяная и твёрдая, как ветка.

— Встанешь, — сказала она. — Сейчас ставят протезы. Тётя Зина с Сокола ходит после такого. Ты сама рассказывала.

— Тётя Зина на пять лет моложе.

— А ты на пять лет вреднее. Значит, встанешь быстрее.

Мама фыркнула. Потом поморщилась от боли. Потом снова фыркнула.

— Ладно, — сказала она фельдшеру. — Везите. Только аккуратно, я вам не мешок с картошкой.

Её грузили долго. Молодой фельдшер и тот, что курил, перекладывали маму на носилки, Вера держала капельницу, Клавдия Егоровна охала на крыльце. Из открытой двери дома вышел Барон — огромный, рыжий, с порванным ухом, древний, как египетский бог. Он посмотрел на носилки, на скорую, на Веру. Потом подошёл к матрасу, на котором лежала мама, понюхал его и сел рядом, обернувшись хвостом.

— Вер, — сказала мама с носилок. — Барона не оставляй тут. Он у Клавки не будет есть. Забери его к себе.

— Мам, он у меня тоже не будет. Он меня не любит.

— Он никого не любит. Забери.

Скорая уехала. Вера стояла во дворе, у курятника, в котором беспокойно квохтали некормленые куры, и смотрела, как огни машины уходят вниз, к мосту. Рассвело уже совсем. Небо было низкое, белое. На проводах сидели вороны.

Барон сидел у её ног и смотрел на неё жёлтыми глазами. Без всякой симпатии.

— Ну что, — сказала ему Вера. — Поехали к нам.

Барон ответил ей длинным презрительным звуком, который у других котов, возможно, означал бы «мяу». У Барона это было скорее «посмотрим».

Глава 2. Сто восемьдесят тысяч

Травматологическое отделение областной больницы располагалось на четвёртом этаже старого корпуса, и лифт там работал по настроению. В субботу у него настроения не было. Вера поднималась по лестнице с пакетом, в котором лежали мамин халат, тапочки, кружка, ложка, туалетная бумага, влажные салфетки и пачка памперсов для взрослых — список ей продиктовала по телефону Танька, лучшая подруга со школы, акушерка с двадцатилетним стажем, которая знала про больницы всё.

— Памперсы бери обязательно, — сказала Танька. — Пелёнки одноразовые, штук двадцать. И шоколадку медсестре. Не взятку, Вер, просто шоколадку. Чтобы она маму твою по имени запомнила. Это разные вещи.

На лестнице пахло хлоркой, капустой и чем-то сладковатым, лекарственным. На площадке третьего этажа курил мужик в трениках и с загипсованной рукой, хотя на стене висела табличка «Курение запрещено. Штраф 1500 руб.». Мужик посмотрел на Веру, на пакет с памперсами и сочувственно кивнул.

Палата была на шестерых. Мама лежала у окна, на функциональной кровати, с ногой, подвешенной на какой-то металлической конструкции с грузом. Её успели переодеть в больничную рубашку в мелкий синий горошек, и из ворота торчала тонкая шея с двумя глубокими морщинами.

— Скелетное вытяжение, — сказала соседка по палате, полная женщина лет шестидесяти, с бигуди под косынкой, раньше, чем Вера успела спросить. — Чтобы кость не сместилась. Меня тоже так держали, когда шейка. Я Надежда. Вы дочка? У вас мама — кремень. Её привезли, а она санитарке говорит: «Аккуратнее, девушка, я вам не мешок с картошкой».

— Это у неё любимое, — сказала Вера.

Мама открыла глаза.

— Барона забрала?

— Забрала. Он в машине всю дорогу орал. Потом обошёл квартиру, понюхал всё, сел на Дашину кровать и уснул.

— На кровать? — Мама слабо оживилась. — Значит, признал.

— Он мне в ботинки нагадил, мам.

— Значит, не до конца признал.

* * *

Лечащего врача звали Рустам Ильдарович. Ему было около сорока, у него были золотые очки, руки хирурга и манера говорить, будто он диктует историю болезни: коротко, по пунктам, без лишних прилагательных. Он принял Веру в ординаторской в понедельник, в половине восьмого утра, между обходом и операцией.

— Перелом шейки бедра со смещением, — сказал он. — Возраст семьдесят пять. Остеопороз выраженный. Вариантов два. Первый — эндопротезирование. Ставим искусственный сустав. Через сутки-двое после операции можно садиться, через несколько дней — вставать с ходунками. Хорошие шансы вернуться к самостоятельной ходьбе. Это лучший вариант.

— А второй?

— Второй — консервативно. Лежит на вытяжении, потом в кровати. В её возрасте при таком переломе кость, скорее всего, не срастётся. Лежачий пациент. Пролежни, пневмония, тромбы. — Он снял очки и протёр их краем халата. — Я вам это говорю не чтобы напугать. Я вам это говорю, потому что вам решать.

— Мы, конечно, протез, — сказала Вера. — Когда операция?

Рустам Ильдарович надел очки обратно.

— По ОМС — когда придёт эндопротез под квоту. Мы её поставили в лист ожидания. Сейчас очередь. Может, две недели. Может, пять. Я не могу обещать, поставки нестабильные.

— А пять недель лёжа — это…

— Это плохо, — сказал он ровно. — Каждая неделя на вытяжении в её возрасте — минус шансы. Есть другой вариант. Вы покупаете эндопротез сами. Официально, через аптечный склад, с документами, мы дадим список поставщиков. Операция и всё остальное — по полису, бесплатно. Тогда оперируем в течение недели, как только привезут.

— Сколько стоит протез?

— Нормальный, который я бы поставил своей матери, — от ста семидесяти до ста девяноста. Есть дешевле. Я бы не ставил.

Вера кивнула. В голове сам собой открылся привычный столбик: доходы, расходы, остатки.

После развода у неё на счету впервые в жизни появились собственные деньги — её половина от проданного «Тигуана» и того, что осталось на семейном накопительном. Из этих денег шестьсот тысяч лежали на отдельном вкладе, который в приложении банка назывался «Даша. Учёба». Неприкосновенный. Даша училась в Петербурге на бюджете, на урбанистике, но жила в общежитии, и каждый месяц Вера переводила ей двадцать пять тысяч «на жизнь» — с зарплаты, не трогая вклад. Ещё около двухсот тысяч Вера держала на обычном счёте, «на чёрный день», как говорила мама.

Вот он и пришёл, чёрный день. Двадцать градусов мороза, четвёртый этаж старого корпуса, лифт без настроения.

— Я куплю, — сказала Вера. — Дайте список.

* * *

Брату она позвонила вечером, из машины, на больничной парковке. Вячеславу Павловичу Лебедеву было пятьдесят. Он жил в Москве двадцать пять лет, работал в логистической компании начальником отдела, был женат на Оксане, растил двух сыновей-подростков и приезжал в Тутаев раз в год, на мамин день рождения в мае, на большой чёрной машине, в которой пахло кожей и ароматизатором «Нью-Йорк». Он привозил маме дорогие лекарства, которые она складывала в шкаф и не пила, и конфеты, которые она раздавала соседям.

— Слав, мама сломала шейку бедра.

— Я знаю, — сказал Слава. — Оксана видела у тебя в «ВК».

Вера ничего не писала в «ВК». Писала Даша — фотографию Барона на своей кровати, с подписью: «Бабушка в больнице, а этот теперь живёт у нас. Помогите». Видимо, Оксана сделала выводы.

— Мне врач сказал, нужен протез. Сто восемьдесят. Или ждать квоту пять недель.

— Ну какая квота, ты что, — сказал Слава. — Пять недель! Платно, конечно. Не экономь на матери.

— Я не экономлю. Я хотела спросить, ты сможешь половину?

В трубке что-то зашуршало — видимо, Слава переложил телефон к другому уху.

— Вер, ты понимаешь, у меня сейчас очень сложный момент. Мы машину новую взяли в кредит. У Тёмки репетиторы, у Никиты брекеты, Оксана в отпуск хочет, мы на Мальдивы собирались в марте, уже оплачено. Я тебе скину, конечно. Сейчас. Тысяч тридцать. Нет, пятьдесят. Пятьдесят скину.

— Пятьдесят, — повторила Вера.

— Ну, сколько смогу. И потом ещё, по мере. Ты главное держи меня в курсе. Ты там рядом, ты лучше знаешь. Ты у нас всегда была ответственная.

«Ты у нас всегда была ответственная». Вера слышала эту фразу с семи лет. Когда Славу отправили в пионерлагерь на три смены, а она сидела с больной бабушкой. Когда Слава уехал в Москву поступать, а она пошла в финансовый техникум рядом с домом, потому что «кто-

то же должен быть с мамой». Когда умер отец и Слава прилетел за день до похорон, а она две недели до этого ночевала в больнице на раскладушке.

— Слав, — сказала она. — А ты приедешь?

— Конечно приеду. Как только смогу. Сейчас у нас квартальный отчёт, ты же понимаешь. Через пару недель. Ну, после Мальдив точно. Передавай маме, что я её люблю.

— Сам передай. У неё телефон с собой.

— Она же трубку не берёт, ты знаешь. Она меня отругает, что не приехал.

— Вот именно, — сказала Вера и отключилась.

Пятьдесят тысяч пришли через двадцать минут с подписью: «Маме на лечение. Держись, сестрёнка!» И смайлик с сердечком.

Вера сидела в машине на тёмной парковке и смотрела на это сердечко. Потом открыла банковское приложение и перевела сто тридцать тысяч со «чёрного дня» на основную карту. Потом посмотрела на вклад «Даша. Учёба» и закрыла приложение, пока руки не сделали что-нибудь сами.

* * *

Галина Петровна появилась в больнице во вторник, в часы посещения, ровно в пять вечера. Вера заметила её из конца коридора: прямая спина, пальто с каракулевым воротником, на лацкане брошь — ростовская финифть с сиренью. Брошь подарила ей Вера на семидесятилетие, ровно год назад, на том самом юбилее, где за столом напротив сидели Верин бывший муж и его новая подруга.

С бывшей свекровью они теперь созванивались раз в две недели, по воскресеньям, ровно в двенадцать. Говорили о погоде, о Даше, о даче и огурцах. Галина Петровна тридцать лет преподавала русский язык в сорок второй школе и умела одним взглядом сделать так, что взрослый человек начинал проверять, правильно ли расставил запятые в собственной жизни.

— Даша мне написала, — сказала она вместо приветствия. — Я сварила бульон. Куриный, на домашней курице, без лука, лук при переломах не полезен.

— Почему не полезен?

— Не знаю. Так мама моя говорила. Где она лежит?

— Галина Петровна, вы не обязаны…

— Вера, — сказала Галина Петровна тем голосом, каким, наверное, когда-то объясняла семиклассникам разницу между «не» и «ни», — я двадцать шесть лет была ей сватьей. Это не отменяется разводом. Где она лежит?

Вера провела её в палату. Мама дремала. Соседка Надежда, увидев каракулевый воротник, села прямее и поправила косынку.

Галина Петровна поставила на тумбочку термос, достала из сумки тканевую салфетку с вышивкой, расстелила, поставила сверху кружку. Мама открыла глаза. Посмотрела на неё. Долго.

Вера вспомнила, что за двадцать шесть лет эти две женщины виделись от силы раз пятнадцать. На свадьбе. На крестинах. На похоронах Вериного отца. Однажды — на Новый год, кажется, в две тысячи десятом, когда Галина Петровна сказала, что у мамы «пересолен холодец», а мама ответила, что у некоторых и жизнь пересолена, и до конца вечера они не разговаривали.

— Галя, — сказала мама.

— Тоня, — сказала Галина Петровна.

— Ты чего пришла?

— Бульон принесла.

— С луком?

— Без лука.

Мама помолчала. Потом сказала:

— Правильно. Лук при переломах нельзя. Мне мать говорила.

Галина Петровна налила бульон в кружку и подала. Мама взяла, отпила. Подумала.

— Курица домашняя?

— С Ярославки. У меня там женщина держит.

— Пересолено малость.

— Нормально посолено. Это у тебя давление, тебе всё солёным кажется.

— У меня давление сто тридцать на восемьдесят, как у космонавта.

— У космонавтов сто двадцать.

— Это у молодых космонавтов.

Надежда с соседней кровати смотрела на них, открыв рот, как в театре. Вера тихо вышла в коридор. Постояла у окна. За окном горел больничный двор, по нему шла санитарка с каталкой, на которой гремели пустые бидоны. Из палаты доносились голоса — то один, то другой. Ровные, сварливые, совершенно живые.

Когда Вера вернулась через полчаса, мама спала, держа в руке пустую кружку. Галина Петровна сидела рядом на стуле, сложив руки на сумочке.

— Протез покупаешь? — спросила она шёпотом, не оборачиваясь.

— Покупаю.

— Сколько?

— Сто восемьдесят.

— Брат что?

— Пятьдесят прислал.

Галина Петровна ничего не сказала. Только губы у неё сделались тонкими, как линия на школьной доске. Потом она встала, взяла термос и пошла к двери. У двери обернулась.

— Олегу я скажу, — сказала она. — Пусть тоже поможет. Это бабушка его детей.

— Галина Петровна, не надо. Мы с ним всё поделили, мы чужие люди.

— Вы — да, — сказала бывшая свекровь. — А Даша с Кириллом — нет.

И ушла, стуча каблуками по больничному линолеуму, прямая, как указка.

* * *

Мамину операцию назначили на следующий понедельник, двадцать третье января. Протез привезли в пятницу, в коробке с иностранными буквами и голограммой. Вера расписалась за него в аптечном складе, держа коробку на руках, как новорождённого. Сто семьдесят восемь тысяч четыреста.

В воскресенье вечером она сидела дома на кухне, пересчитывала расходы в тетради в клетку, и цифры не сходились с тем, что было в банковском приложении. Не сходились на двадцать тысяч в лучшую сторону.

Она открыла историю поступлений. Двадцать тысяч, перевод по номеру телефона, отправитель «Олег Анатольевич К.». Без подписи.

Вера долго смотрела на эту строчку. Потом закрыла приложение и пошла кормить Барона. Барон сидел у миски и смотрел на неё так, будто это она была виновата в гололёде, в переломе, в разводе и в том, что рыба сегодня была минтай, а не хек.

— Отварю завтра хек, — сказала ему Вера. — Сегодня ешь, что дают.

Барон фыркнул и съел.

Глава 3. Две хозяйки на одной кухне

Операция шла два часа десять минут. Вера просидела их на подоконнике в коридоре четвёртого этажа, глядя на дверь с табличкой «Оперблок. Посторонним вход воспрещён», и за это время успела выпить три стакана кофе из автомата, ответить на сорок рабочих писем и ни одного слова из них не запомнить.

Андрей приехал через полчаса после начала. Молча сел рядом на подоконник, протянул ей пакет: внутри были два пирожка с капустой из пекарни у его дома и яблоко. Он не спрашивал, как она, не говорил «всё будет хорошо». Просто сидел рядом, иногда смотрел на часы и один раз, когда мимо прошла санитарка с пустой каталкой, положил ладонь ей на колено и держал, пока каталка не скрылась за поворотом.

Вера съела оба пирожка. Не заметила как.

Рустам Ильдарович вышел в двенадцать сорок, снял маску и сказал:

— Нормально. Протез стоит хорошо. Кость слабая, но держит. Завтра посадим. Послезавтра поставим с ходунками. Дальше — от неё зависит.

— От неё, — повторила Вера.

— Реабилитация, — сказал он. — Это главное. Ходить через боль, каждый день. Многие в этом возрасте бросают. Лежат и ждут, когда пройдёт. Не проходит. — Он посмотрел на Веру поверх очков. — Ваша не похожа на тех, кто лежит. Но заставлять придётся вам.

* * *

Мама встала с ходунками на третий день. Встала — громко сказано: поднялась с кровати, держась за металлические ручки, постояла сорок секунд, позеленела и села обратно. Но встала. Надежда с соседней кровати захлопала в ладоши. Мама сказала ей: «Не цирк», — и закрыла глаза.

Через неделю Рустам Ильдарович сказал, что выписывает. Дальше — амбулаторно, реабилитация, контроль через месяц.

— Куда её везти? — спросил он, подписывая бумаги. — В Тутаев? Там частный дом?

— Частный. Удобства во дворе. Печка.

Он поднял голову.

— Туда нельзя. Минимум два-три месяца. Ей нужно ровно, тепло, туалет рядом, никаких порогов и ступенек. И кто-то рядом, кто поднимет, если упадёт. Второй раз будет хуже.

Вера кивнула. Она это знала. Знала уже неделю — с тех пор, как ночью, не в силах уснуть, сидела на кухне с ноутбуком и читала форумы, где дочери и сыновья писали: «Маму после шейки взяли к себе, она нас всех съела». И «Папа отказывается делать упражнения, что делать?». И «Посоветуйте сиделку в Ярославле, не воровку».

— Ко мне, — сказала она. — У меня комната свободная. Дочь в Петербурге учится.

— Хорошо. Порожки в ванной есть?

— Есть.

— Уберите. Поручень у унитаза. Стул в душ. Коврики все со скользкого пола — долой. Провода вдоль стен. — Он вырвал листок из блокнота, что-то быстро написал. — Вот, список. Это всё в аптеках продаётся. Удачи.

* * *

Порожек в ванной снял Гоша.

Гоша был сантехником управляющей компании «Комфорт-Дом», где Вера проработала бухгалтером двадцать лет, пока прошлой весной не ушла главбухом в сеть стоматологий. Гоша был грузный, лысоватый, вечно в чём-то перепачканный и носил футболку с надписью «Не учите меня жить, лучше помогите материально». Когда Вера рассказала ему про список, он молча приехал в субботу утром с чемоданчиком инструментов, снял порожек, привинтил два

поручня — у унитаза и в ванной, — переложил провода, починил кран, который Вера просила починить ещё Олега три года назад, и отказался брать деньги.

— Вер Пална, — сказал он, вытирая руки о штаны. — Вы мне в двадцатом году переплату по профсоюзу нашли. Двенадцать тыщ. Я на них жене шубу купил. Мы с ней потом развелись, правда, но шуба-то осталась. Так что мы в расчёте.

— Гоша, при чём тут шуба?

— При том, что всё в жизни при чём, — сказал Гоша философски и ушёл.

В прихожей он столкнулся с Танькой, которая пришла с пакетом продуктов и коробкой пирожных. Они посмотрели друг на друга. Танька была в пуховике цвета фуксии и с новой стрижкой. Гоша был в куртке с оторванным карманом.

— Здрасьте, — сказал Гоша.

— Здрасьте, — сказала Танька.

Гоша ушёл. Танька прошла на кухню, поставила пакет и спросила:

— Это кто?

— Гоша. Сантехник.

— Ага, — сказала Танька. И больше ничего не спросила. Что было странно, потому что Танька Мухина спрашивала всегда и обо всём.

* * *

Маму привезли в среду, первого февраля, на скорой — Вера договорилась за деньги, потому что в «Солярис» с прямой ногой и ходунками мама не помещалась. Два санитара подняли её на носилках на четвёртый этаж — лифт в Верином доме тоже работал по настроению, видимо, это было общее свойство ярославских лифтов, — и посадили на Дашину кровать.

Барон сидел на подоконнике. Он увидел маму, медленно спустился на пол, подошёл к кровати, запрыгнул на неё — тяжело, в два приёма, как старый человек залезает в автобус, — и лёг маме на колени, на больную ногу.

— Ой! — сказала мама.

Вера кинулась снять кота. Мама остановила её рукой.

— Не трогай. Пусть лежит. Он греет.

Барон заурчал. Вера впервые за год услышала, как этот кот урчит. Звук был такой, будто где-то далеко заводили старый трактор.

* * *

Первая неделя прошла, как первый выезд в город на учебной машине. Вера потом вспоминала её урывками.

Мама в шесть утра стучит палкой в стену: «Вера! Мне надо!» Вера встаёт, ведёт маму в туалет, держит под локоть, ждёт за дверью, ведёт обратно. Мама в семь утра на кухне, на ходунках — встала сама, без спросу, — открывает шкафы и говорит: «А где у тебя нормальная сковородка? Это что, тефлон? Ты на тефлоне жаришь? Он же вредный, там рак». Мама в восемь — переставляет банки со специями в другом порядке: «Так удобнее». Мама в девять — отказывается от таблеток, потому что «от них голова чугунная». Мама в десять — звонит Клавдии Егоровне в Тутаев и сорок минут выясняет, кормит ли та кур нормально или «как попало». Мама в обед — не ест суп, потому что «на кубике». Суп был не на кубике. Суп был на говяжьей косточке, которую Вера варила три часа. Мама в три — спит. Мама в пять — снова не делает упражнения.

Упражнения были в распечатке на трёх листах, которую дал Рустам Ильдарович. Поднимать ногу лёжа, двадцать раз. Сгибать-разгибать стопу. Сжимать подушку коленями. Ходить с ходунками по квартире — утром десять минут, вечером десять минут, каждый день прибавлять.

Мама делала первое упражнение три раза и говорила: «Хватит. Больно».

— Мам, врач сказал — через боль.

— Врачу легко говорить. У него не болит.

Вера составила таблицу. В «Экселе», с колонками: время, таблетки, упражнения, ходьба в минутах, давление, примечания. Распечатала, повесила на холодильник на магнитах, рядом с Дашиным расписанием занятий в университете. Мама посмотрела на таблицу, потом на Веру.

— Это что?

— График, мам. Чтобы следить за прогрессом.

— Ты меня как бухгалтерию ведёшь, — сказала мама. — Дебет-кредит.

— Тебе так проще будет. Видно, что ты делаешь лучше с каждым днём.

— Мне проще будет, если ты от меня отстанешь.

Вера сняла таблицу с холодильника и унесла к себе. Вечером повесила снова, на дверцу своего шкафа, и заполняла сама, когда мама не видела.

* * *

Андрей пришёл в субботу.

Вера предупредила маму заранее. Сказала просто: «Ко мне придёт Андрей. Мой… друг. Мы с ним встречаемся». Мама ответила: «Шофёр этот твой?» Вера сказала: «Он инструктор». Мама сказала: «Ну я и говорю — шофёр». И больше ничего не сказала.

Андрей пришёл с цветами для мамы — не хризантемами, не розами, а с маленьким горшком, в котором цвела розовая герань. Потом Вера узнала, что он полдня объезжал цветочные, потому что Танька по секрету сказала ему, что в Тутаеве у мамы на всех подоконниках стояла герань.

Мама сидела в кресле, в своём выходном халате с лиловыми цветами, с причёсанными волосами — когда успела? — и с Бароном на коленях. Она посмотрела на Андрея снизу вверх. Долго. Так же, как, наверное, смотрела на новые партии шин на складе, прежде чем подписать накладную.

— Здравствуйте, Антонина Сергеевна, — сказал Андрей. — Это вам.

Мама взяла горшок, понюхала герань, поставила на подоконник.

— Курите? — спросила она.

— Курю.

— Бросайте. Мой муж курил. От лёгких и умер. В шестьдесят два.

— Я пытаюсь.

— Плохо пытаетесь. От вас за версту. Сколько вам лет?

— Пятьдесят четыре.

— Разведённый?

— Мама! — сказала Вера.

— Что «мама»? Я спрашиваю. Имею право. Разведённый?

— Разведённый, — спокойно сказал Андрей. — Шестнадцать лет как. Жена ушла. Дочь взрослая, в Москве. Внучке шесть лет. Квартира однокомнатная, своя, и дом в Норском, от родителей, деревянный, я его чиню. Пенсия по выслуге будет через год. Зарплата у меня меньше, чем у Веры. Алиментов не плачу, долгов нет, судимостей нет. Пью по праздникам. Собака есть, старая, Штурманом зовут.

Мама молчала. Барон на её коленях открыл один жёлтый глаз и посмотрел на Андрея.

— На скорой работали, Вера говорила? — спросила мама.

— Двадцать лет. Водителем.

— Вот, значит, — сказала мама. — Шофёр.

— Шофёр, — согласился Андрей.

Мама вдруг усмехнулась — коротко, одним уголком рта, как будто что-то в ней, против её воли, одобрило этот ответ.

— Ладно, — сказала она. — Садитесь. Вера, чайник поставь. И варенье достань, вишнёвое, я привезла. Оно в сумке, в банке под крышкой. Только не из этой твоей магазинной вазочки, а в блюдце.

За чаем мама разговаривала с Андреем двадцать минут. О шинах, о скорой, о том, как в восьмидесятых на шинном заводе давали премии мешками сахара, о том, что раньше дороги были хуже, а водители лучше. Андрей слушал, кивал, иногда что-то говорил коротко. Вера сидела между ними, пила остывший чай и не верила своим ушам.

Потом мама сказала:

— Вы мне вот что скажите. Вы её возите?

Андрей поставил чашку.

— Нет, — сказал он. — Она сама ездит.

— А если гололёд?

— Тоже сама. В январе к вам в Тутаев сама ехала. Я по телефону был.

Мама перевела взгляд на Веру.

— Это правда? Ты в тот день сама? По льду?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.